

Мелехин Владимир Владимирович

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРОДНИЧЕСКИХ ИДЕЙ В КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЧЕРНОМОРСКОМ ОКРУГЕ (60-80-Е ГГ. XIX В.)

В статье на основе различных источников, в том числе и архивных, рассматривается история народнического движения на территории Кубанской области и Черноморского округа в 1860-1880 гг., и в частности впервые в краеведческой науке обозначены характерные особенности распространения народнических идей в регионе. Проведенный анализ показал, что всплеск народнического движения на Кубани был неслучаен, и существенную роль здесь сыграл ряд объективных факторов, оказавших влияние на ход и развитие революционного движения на территории региона и Северного Кавказа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 133-135. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 9; 908(470)

Исторические науки и археология

В статье на основе различных источников, в том числе и архивных, рассматривается история народнического движения на территории Кубанской области и Черноморского округа в 1860-1880 гг., и в частности впервые в краеведческой науке обозначены характерные особенности распространения народнических идей в регионе. Проведенный анализ показал, что всплеск народнического движения на Кубани был неслучаен, и существенную роль здесь сыграл ряд объективных факторов, оказавших влияние на ход и развитие революционного движения на территории региона и Северного Кавказа.

Ключевые слова и фразы: Кубанская область; Черноморский округ; революционное движение; народничество; пропаганда.

Мелехин Владимир Владимирович

*Кубанский государственный университет
daikon_kr@mail.ru*

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРОДНИЧЕСКИХ ИДЕЙ
В КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ЧЕРНОМОРСКОМ ОКРУГЕ (60-80-Е ГГ. XIX В.)[©]**

Региональная история народнического движения, несмотря на определенный интерес историков предыдущей эпохи к этому явлению, до настоящего времени остается слабо изученной темой. Особую актуальность ей придает то, что «характер общественного движения XIX – начала XX в. и оценка его роли в истории» совсем недавно были включены в перечень «трудных вопросов истории» [15]. В этой связи восстановление исторической правды и объективной оценки места, роли, нравственных ориентиров народничества идет в неразрывной связи с исследованиями деятельности народников в различных регионах страны со всеми ее характерными особенностями.

Всю историю народнического движения в Кубанской области и Черноморском округе, в соответствии с современной периодизацией, можно разделить на два периода – это период деятельности в России так называемого «раннего» народничества 1860-х гг. и классического народничества 1870-1890-х гг. Кубань и Черноморье в числе других регионов Северного Кавказа были привлекательны в глазах революционно-демократического лагеря вследствие своих особенностей, которые оказали существенное влияние на ход и развитие на этой территории революционного движения и в последующие годы. Среди основных особенностей для первого периода можно выделить: наличие казачества как основного населения, окраинное положение края; большую роль играла также военная обстановка Кавказской войны – насыщенность региона войсками и вооруженная борьба горцев.

В глазах идеологов народничества казачество обладало уникальными социальными качествами: «природным» демократизмом, инициативностью, свободолобием, а также связанным с ним бунтарским духом и антигосударственными началами, которые сочетались с особым чувством «общей земли» – Отчизны. Порой представления о прогрессивности казачьего мироустройства доходили до крайней степени идеализации и противопоставления славянского «казацкого» социального опыта западному социалистическому утопизму: «В казацком кругу... идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Кабе, Луи Блана и прочих ученых социалистов, более, чем в ассоциациях Чернышевского» [2, с. 232]. Подтверждая тезис Герцена, что «казаки скорее становились разбойниками, непокорными, неукротимыми, нежели подданными какой-либо власти» [3, с. 45], на Кубани в первой половине XIX в. возникло движение организованной казачьей вольницы – «гайдамачества», направленное против зажиточного казачества и казачьей старшины [21, с. 808-822]. Как образец народного общественного движения, вовлекшего в себя наиболее активную протестующую часть населения и отражавшего социальные противоречия, связанные с кризисом феодально-крепостнического строя в России, оно, несомненно, вдохновляло революционеров на дальнейшее продолжение своей деятельности, а также подавало надежду на успешность будущего народного восстания.

Привлекательной стороной Северного Кавказа в целом и Кубани в частности оставалось его окраинное положение. Труднодоступность и сравнительно низкий контроль властей за внутренней жизнью региона представлял его как благодатное поле для разворачивания революционной деятельности, примером чему послужило появление некоторых участников радикальной революционной «нечаевской» организации [13, с. 109-111]. Чаяния эмигрантского революционного центра о включении стоящих на окраине Империи армейских частей Кавказского корпуса в революционную борьбу опирались на организацию офицерских обществ «для разъяснения солдатам цели и необходимости восстания». Для того чтобы грядущее восстание стало «народным освобождением», оно, по замыслу революционного лагеря, «должно идти по всей периферии, то есть, чтобы одновременно с Варшавой и Киевом – тронулся Кавказ во внутрь России, захватывая с собой Астрахань, Дон и Черноморье» [19, с. 505-509]. Кубанские единомышленники предлагали конкретные действия пропаганды: на армейские посты вдоль Черноморского побережья местные горцы, продававшие дрова, «не раз возили» запрещенные издания, раскупаемые с «чрезмерною охотою» [12, с. 80].

В период классического народничества складывается ряд условий, способствовавших активизации революционной пропаганды на территории края. В первую очередь, это приток в Кубанскую область значительного числа крестьян-переселенцев, по оценкам исследователей ставшей в пореформенное время основным переселенческим районом России [22, с. 210-213]. Широкое переселенческое движение крестьян – традиционного объекта народнической агитации – в данном случае служило хорошим прикрытием для пропагандистов, часто проникавших в казачью область под видом ремесленников или поденных работников. Рост населения и экономическое развитие края способствовали обращению на него внимания революционного лагеря как на полигон для революционно-пропагандистской деятельности: официальные лица на Северном Кавказе к середине 1870-х гг. вынуждены были признать, что большинство «агентов тайной революционной пропаганды» действовали «преимущественно в Кубанской области» [11, с. 65]. В официальных отчетах кубанских жандармов 80-х гг. XIX в. отмечалась особая роль Ростовско-Владикавказской железной дороги в деле проникновения в край народнической пропаганды – близость к ней «некоторых станиц» давала «возможность прибывать туда... лицам, ищущим распространения своих враждебных идей» [7, д. 88, ч. 15, л. 11].

В развитии народнического движения в Кубанской области решающую роль сыграла близость крупных очагов развивающегося движения – городов Ростова-на-Дону и Харькова. В официальных отчетах Ростов именовался не иначе как «бойкий центр социалистической пропаганды», где успешно функционировало «гнездо социалистов» [20, с. 82]. Ростовские пропагандисты буквально «исколесили» Землю Войска Донского и Кубанскую область [1, с. 187], участвуя в «хождении в народ» на территории региона: «Отправляются из Ростова то ли в Ейск, то ли в Екатеринодар, Кубанской области и устраиваются там чабанами» [18, с. 86].

Большое значение имело и то, что пик развития народнического движения пришелся на время правления на Кубани атамана Н. Н. Кармалина (1873-1882 гг.). Во многом именно либеральные взгляды Наказного атамана способствовали развитию в окраинной Кубанской области в эти годы революционного движения: еще в 40-х годах XIX в. поручик Кармалин во время службы и учебы в Петербурге входил в научно-литературный офицерский нелегальный кружок будущего петрашевца Н. А. Момбелли, где подготовил и зачитывал исследования по русской истории XVIII в. на «полузапретные темы» [10, с. 38-39]. Показательна гневная фраза Александра III, сказанная им по поводу многочисленных сообщений об общей революционности кубанской молодежи: «Это уже давно так, в особенности благодаря действиям Наказного атамана Кармалина в 70-х годах» [17, с. 274].

В деле развития пропаганды огромную роль играло противодействие со стороны органов полиции. В Кубанской области в этом плане создались благоприятные условия для противоправительственной деятельности: отсутствие в 70-х гг. XIX в. собственного жандармского управления и неразвитость местной полицейской службы довольно скоро стали еще одной причиной появления в крае революционеров. Полицейские функции в станицах выполнялись мало сведущими в политических делах местными казаками под началом станичных атаманов, а в самом Екатеринодаре «полицейская служба состояла в том, что казаки охраняли население от воров и разбойников, помогали ему в исключительных случаях несчастий при пожарах, болезнях и пр. и ни к каким политическим розыскам и наблюдениям причастны не были» [6, д. 97, т. 1, л. 7]. Сами участники «хождения в народ» подтверждали, что «в полицейском отношении времена на Кубани были еще патриархальные; жандармского управления не было; стражники, урядники еще не существовали, а казачье начальство не замечало нас» [14, с. 143]. В 1883 г. Начальник новороссийских жандармов указывал, что при тех особенностях местности, слабости и малочисленности полицейского аппарата в Черноморском округе «легко могут ускользнуть от наблюдения не только вредные личности, но и противоправительственные действия их: ...проживательство, склады противозаконной и революционной книги, рукописей, подделка денежных знаков, паспортов, тайные типографии и т.п.» [7, д. 88, ч. 15, л. 10 об. – 11].

В 80-е гг. XIX в. революционная пропаганда на Кубани особенно усилилась, что было связано с высылкой сюда народников из центральных губерний: Кубанская область и Черноморский округ считались относительно спокойной окраинной Российской империи [16, с. 276-277]. Наличие казачества («верное преданиям своих предков, в политическом отношении представляется вполне благонадежным» [8, д. 59, ч. 13, л. 2]) воспринималось царским правительством как достаточная гарантия социальной стабильности, хотя из уст станичников можно было слышать такие фразы: «Рысаков убил царя, Россия проклинает Рысакова, но она напротив должна молить бога за него» [4, д. 36-а, л. 1].

Опасение кубанских жандармов вызывала интеллигенция – «образованный класс общества», включавший в себя и «личностей, состоящих под надзором полиции», и в особенности университетская молодежь – «высланные административным порядком за участие в студенческих беспорядках», прокатившихся в начале 1880-х гг. по крупнейшим высшим учебным заведениям страны; сообщалось, что в отдельных частях Кубанской области «есть немало молодых людей, женщин и девиц», которые, «поступая в разные учебные заведения в России» и «будучи знакомы с лицами социалистического направления, принимали вероятное участие в распространении вредных идей между другими своими знакомыми» [7, д. 88, ч. 15, л. 3 об., 11; 8, д. 59, ч. 13, л. 2 об.]. Так, к 1887 г. в Черноморье прибывало «значительное число студентов Харьковского, Киевского и Московского университетов, преимущественно состоящих под негласным надзором полиции или же самим образом жизни заподозренных в политической неблагонадежности, которые до некоторой степени... привозят преступные издания с целью их распространения в кругу своих знакомых» [9, д. 9, ч. 18, л. 7 об.]. Ведущую роль в развитии революционной народнической агитации в кубанской столице в это время играла Кубанская войсковая мужская гимназия; вокруг нее группировалась радикально настроенная молодежь,

на рост революционности которой, по мнению гимназического руководства, влияло «пребывание в городе ссыльных и поднадзорных, или отбывавших наказание по политическим делам» [5, д. 34, л. 70 об.].

Можно заключить, что всплеск народнического движения на Кубани был неслучаен. Существенную роль здесь играл ряд объективных особенностей: окраинное положение, преобладание казачьего (сельского) населения и присутствие армейских частей на территории региона стали решающими в представлении о Кавказе как о перспективном месте для революционной пропаганды. Слабое развитие полицейского аппарата, нарастающее переселенческое движение в пределы области, либеральные настроения административных деятелей и сохранявшаяся малонаселенность региона, позволявшие успешно скрываться пропагандистам и поднадзорным, – делали Кубанскую область с Черноморьем привлекательным местом для работы «в народе», чему в немалой степени способствовало соседство с такими крупными центрами народничества как Ростов-на-Дону, Харьков и др. Революционная проповедь нашла отклик в среде радикально настроенной интеллигенции, учащейся университетской молодежи и гимназистов, причем к 80-м гг. XIX в. преобладающую роль в организации и развитии народнического движения в регионе играли ссыльные-поднадзорные полиции и нелегалы.

Список литературы

1. Аптекман О. В. Общество «Земля и Воля» 70-х годов. По личным воспоминаниям. Пг.: Колос, 1924. 460 с.
2. Бакунин М. А., Нечаев С. Г. Взгляд на прежнее и нынешнее положение дела // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: документальная публикация / под ред. Е. Л. Рудницкой. М.: Археографический центр, 1997. С. 226-244.
3. Герцен А. И. Русское крепостничество // Герцен А. И. Собр. соч.: в 30-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 12. С. 34-61.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 454. Оп. 4.
5. ГАКК. Ф. 671. Оп. 1.
6. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 80.
8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 81.
9. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 83.
10. Егоров Б. Ф. Петрашевцы. Л.: Наука, 1988. 258 с.
11. Крикунов В. П. Революционные разночинцы на Северном Кавказе. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1958. 144 с.
12. Лемке М. Очерки освободительного движения шестидесятых годов (по неизданным документам). СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1908. 505 с.
13. Мелехин В. В. К вопросу о пребывании в Кубанской области «нечаевца» В. Ф. Орлова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28). Ч. 2. С. 109-111.
14. Михайлов А. Ф. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России: энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 140-154.
15. Общественное обсуждение Историко-культурного стандарта. Примерный перечень «трудных вопросов истории» [Электронный ресурс]. URL: http://минобрнауки.рф/документы/3483/файл/2327/13.07.01-Перечень_трудных_вопросов.pdf (дата обращения: 23.12.2013).
16. Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793-1917 гг.) / под ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар: Эдви, 2002. 373 с.
17. Поляков А. С. Второе 1 марта. Покушение на императора Александра III в 1887 г. (по неизданным источникам) // Голос минувшего. 1918. № 10-12. С. 237-296.
18. Попов М. Р. Записки землевольца. М.: Изд-во Всесоюз. общ-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 513 с.
19. Пять революционно-конспиративных документов из бумаг Огарева // Литературное наследство. Герцен и Огарев. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 61. Ч. 1. С. 493-522.
20. Хроника социалистического движения в России 1878-1887. Официальный отчет / под ред. Н. Н. Шебеко. М., 1906. 323 с.
21. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: в 2-х т. Екатеринодар: Печатник, 1913. Т. 2. 848 с.
22. Яцунский В. К. Изменения в размещении населения в Европейской России в 1724-1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 192-225.

REGIONAL FEATURES OF POPULIST IDEAS SPREADING IN KUBAN REGION AND THE BLACK SEA DISTRICT (THE 60-80S OF THE XIX CENTURY)

Melekhin Vladimir Vladimirovich

Kuban State University

daikon_kr@mail.ru

The history of populist movement within the territory of Kuban region and the Black Sea district in 1860-1880 is considered basing on different sources including archival ones, and in particular the characteristic features of populist ideas spreading in the region are for the first time identified in local history science. The analysis shows that the surge of populist movement in Kuban region was not accidental and a number of objective factors that influenced the course and development of revolutionary movement within the region and the Northern Caucasus played an essential role.

Key words and phrases: Kuban region; the Black Sea district; revolutionary movement; populism; propaganda.